

СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ

Осадчий М. А.

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия (650043, Кемерово, ул. Красная, 6), e-mail: osadchij@mail.ru

В статье описано исследование угрозы как преступления, совершаемого вербальным способом. В ходе анализа выявлены конститутивные признаки угрозы как речевого акта: субъектный состав, темпоральная маркированность действия, субъектная принадлежность действия, типа действия, адресованность действия. Дополнительно выделены факторы, влияющие на квалификацию коммуникативного акта угрозы как преступления: фактор субъекта, фактор высказывания и фактор вреда. В сопоставлении рассмотрены факторы, значимые для правовой квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и экстремисткой угрозы насилием. В результате установлено, что объективную сторону уголовно наказуемой угрозы образует высказывание, отвечающее четырем признакам в их совокупности: в высказывании сообщается о специальном действии; действие совершается говорящим или субъектом, связанным с говорящим; объектом действия является адресат или связанное с ним лицо; действие совершается в будущем. Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 11-34-00324a2).

Ключевые слова: угроза, преступление, коммуникативное событие, признаки, модель.

PARAMETRIZATIONS OF VERBAL THREAT IN FORENSIC LINGUISTICS ASPECT

Osadchiy M. A.

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia (650043, Kemerovo, Krasnaya, 6), e-mail: osadchij@mail.ru

The article describes research of threats as a verbal crime. The analysis identified the threat as constitutive features of the speech act: subject structure, temporal markedness, subjective identity actions, such actions address-raising activities. Additionally factors affecting identification of the threat as a crime are identified: the factor of the subject, the factor expression and damage factor. The factors which are relevant to the legal classification of the threat of murder or serious injury and threat of extremist are analyzed in comparison. The result revealed that the objective aspect of criminal threats forms four attributes in their entirety: a statement by the special action, the action decreases sovereign speaking or entity associated with the speaker, the object of the action is the recipient or related person, the action takes place in the future. The study was supported by RFH (project № 11-34-00324a2).

Key words: threat, crime, communicative event, the signs, model.

Введение

В социуме угроза теоретически осуществима различными способами: физически и вербально, виртуально и реально. В российском законодательстве способ совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью жестко определяется: в соответствии с диспозицией ст. 119 УК РФ угроза должна быть совершена так, чтобы имелись основания опасаться осуществления этой угрозы (угрожающий должен демонстрировать способность и готовность нанести физический вред). Вербальная составляющая оказывается на периферии угрозы как правового понятия: речевые высказывания самостоятельно не могли составлять угрозу. Вербальное сопровождение события угрозы было значимо в большей степени при установлении субъективной стороны преступления [7].

Однако с 27 июля 2006 года в российском правовом пространстве происходят подвижки в понимании события угрозы. В Федеральном законе «О противодействии экстре-

мисткой деятельности» появляется новое понятие об уголовно наказуемом деянии – угроза применения насилия в отношении представителя государственной власти [8], а в следующей редакции от 24 июля 2007 года – угроза применения насилия, сопровождающая воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, сопровождающая воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций [9]. Данное понятие вводится без ограничительных пояснений относительно способов совершения преступления. Такая ситуация стала стимулом к расширительному толкованию понятия угрозы – с включением в это событие вербального компонента как самостоятельного и самодостаточно-го.

Как следствие усиливается необходимость в четкой параметризации рисков, связанных с совершением угрозы, уточнении методологии лингвистической и правовой оценки вербального компонента события угрозы в различных его аспектах.

Параметризация вербальных признаков угрозы

Первичная трудность, возникающая при экспертной оценке вербальной угрозы, состоит в том, что угрожающее высказывание, как правило, не содержит эксплицированного перформатива. Вторая трудность связана с отсутствием законодательно закреплённого определения угрозы. В случае с другими преступлениями, совершаемыми вербальным способом – клеветой (ст. 128.1 УК РФ) и оскорблением (ст. 5.61 КоАП РФ), само понятие о преступлении закреплёно в законодательном акте. В случае же с угрозой соответствующая статья Уголовного кодекса предусматривает ответственность за деяние, определение которого не сформулировано.

Очевидно, законодатель в этом случае ориентировался на общеязыковое значение слова *угроза*, которое, впрочем, не так ясно. Дело в том, что угроза как тип речевого акта не имеет четкий границ своего определения. В речевой деятельности жанры речи плавно «перетекают» друг в друга, обмениваясь качествами – порой до степени смешения. Впрочем, у угрозы есть несколько **конститутивных признаков**. Эти признаки являются обязательными. Лишаясь конститутивных признаков (даже одного из них), речевое событие переходит в иное качество.

К таким конститутивным признакам угрозы относится, прежде всего, **субъектный состав**: угроза произносится одним субъектом в адрес другого субъекта, являющегося объектом угрозы. В процессе автокоммуникации угроза состояться не может.

Вторым важным условием для констатации события угрозы является особое качество – **темпоральная маркированность действия**: угрожающий (субъект угрозы) сообщает

жертве (объекту угрозы) о том, что он в *будущем* совершит некое действие в отношении объекта угрозы («*Я вот возьму и выстрелю!*»). Таким образом, событие угрозы предполагает соседство двух времен – настоящего и будущего: здесь и сейчас некто угрожает, что *сделает* нечто. Если будущее время заменяется прошедшим, т.е. говорящий здесь и сейчас сообщает о действии, которое он когда-то совершил (или мог совершить) в отношении своего собеседника, то событие утрачивает признаки угрозы, приобретая иные типологические признаки (здесь могут варианты: упрек, уязвление: «*А я ведь тогда мог тебя и убить...*»).

Четвертым условием для констатации речевого акта угрозы является **субъектная принадлежность действия**: факт угрозы лишь тогда очевиден, когда субъект говорит о действии, которое будет совершено им самим. Эта субъектная принадлежность действия может быть как прямой, так и косвенной: говорящий может угрожать самостоятельными действиями в отношении слушающего, либо сообщать о своем намерении организовать третьих лиц, активизировать сторонние процессы, которые обязательно затронут объекта угрозы («*Хорошо! С тобой еще поговорят!*»). В случае же, когда действие не исходит тем или иным образом от говорящего, а источником действия являются некие третьи независимые силы, имеет место жанр пророчества, провокации («*Вот черта с два тебе повезет! Бог тебя накажет!*»), предостережения [1, 2, 3].

Четвертым важным признаком события угрозы является **тип действия**. Это действие должно наносить вред объекту угрозы. В противном случае есть основания говорить о событии обещания («*Я принесу тебе диск*»). Обещание отличается от угрозы именно одним этим признаком – типом действия, притом, что все остальные параметры совпадают. Обещание всегда связано с действиями, выгодными для слушающего. В то время как угроза – это своеобразное «антиобещание», т.к. говорящий «обещает» совершить действие, невыгодное, либо прямо опасное для слушающего [6].

И, наконец, пятым признаком является **адресованность действия**. Как правило, угроза непосредственно обращена к потенциальному объекту действия. Адресованность угрозы объекту вредоносного действия может быть как прямой – при непосредственном контакте, так и косвенной – при передаче угрозы через носители информации или третьих лиц («*И передайте ему, что еще раз так сделает – я его прикончу*»). Если говорящий обсуждает вредоносные действия с третьими лицами без цели использовать данных третьих лиц как трансляторов, передающих информацию объекту вредоносных действий, коммуникативное событие утрачивает признак угрозы. Так, в ситуации, когда два человека обмениваются планами по нанесению побоев третьему лицу, ни одна из речевых партий не может рассматриваться как речевая угроза.

Необходимо отметить, что данный признак угрозы не является абсолютным. В практике автора была экспертиза, предметом которой являлась угроза убийством новорожденного ребенка. Разумеется, угрожающее высказывание не могло быть обращено непосредственно к новорожденному ребенку. Фактическим получателем угроз была мать, на мобильный телефон которой приходили сообщения. Таким образом, в данном случае сложилась нетиповая коммуникативная ситуация угрозы: адресат угрозы и объект вредоносных действий не совпадал в одном лице. Однако данная конструкция коммуникативной ситуации является формальной, поверхностной. Анализ прагматической составляющей конкретной коммуникативной ситуации помог понять, что реальной целью угрожающего было не нанесение вреда новорожденному (он еще не успел стать врагом), а оказание давления на мать посредством угроз в адрес ребенка, то есть нанесение психологического вреда матери. В свете таких обстоятельств событие угрозы в полной мере укладывается в общую модель, предполагающую совпадение адресата и объекта вредоносных действий.

Более типичным примером несовпадения адресата угрожающего высказывания и объекта вредоносных действий являются угрозы совершения взрывов, поступающие в правоохранительные органы, органы власти и т. д. Чаще всего номинальным объектом вредоносных действий является неопределенный круг лиц, которые могут оказаться в зоне поражения; адресатом же угроз являются органы власти и охраны правопорядка. Однако несовпадение адресата угрозы и объекта вредоносных действий вновь является формальным, поверхностным. Истинным объектом вредоносных действий является не население, а органы власти и охраны правопорядка, отвечающие за безопасность этого населения. В таких ситуациях нанесение физического вреда населению расценивается как способ нанесения психологического вреда представителям власти и способ оказания на них давления. Таким образом, даже если объект вредоносного действия не является адресатом угрожающего высказывания, он тем не менее связан с адресатом как часть и целое, родитель и ребенок, охраняющий и охраняемый и т. п. Данная связь используется субъектом угрозы как рычаг для оказания давления на адресата, являющегося истинным объектом вредоносного действия.

В этой связи необходимо уточнить, что объектом вредоносного действия, связанным с адресатом, может быть не только другой человек, но и любой другой субъект в широком смысле – животное, артефакт, феномен. Важным условием является наличие связи между данным субъектом и адресатом, например, по типу *владелец – имущество, ценитель – ценность*. В качестве высказываний, иллюстрирующих угрозу данного типа, могут быть приведены следующие фразы: *Еще раз припаркуешься у моей двери – разрисую машину гвоздем; А будете много писать, куда не следует – так мы ваш парк, товарищи активисты, вообще вырубим.*

В статье 119 УК РФ понятие **уголовно наказуемого акта угрозы** сужено за счет трех дополнительных факторов: фактора субъекта, вреда и высказывания [4, 5].

Фактор субъекта не является лингвистическим и проявляется в том, что уголовно наказуемым актом угрозы считается только такая коммуникативная ситуация, когда субъект угрозы находится в более выигрышном положении, по сравнению со своим собеседником, объектом угрозы.

Фактор вреда является лингвистическим (семантическим) и состоит в том, что диспозицией ст. 119 УК РФ не предусмотрен вред, меньший, чем убийство или тяжкий вред здоровью. Угроза увольнением, грабежом, ограничением свободы не является уголовно наказуемой угрозой в смысле ст. 119 УК РФ. Данный фактор является существенным, прямо влияющим на правовую квалификацию коммуникативного события.

Менее существенным лингвистическим фактором является **фактор высказывания**, который связан с требованием к самой языковой форме угрозы. Как и фактор субъекта, данный фактор продиктован прописанным в диспозиции ст. 119 УК РФ *условием убедительности* угрозы («если имелись основания опасаться осуществления угрозы»). По всей видимости, убедительное угрожающее высказывание должно быть утвердительным по форме и прозрачным по смыслу. Однако в правоприменительной практике описанный фактор высказывания играет наименьшую роль, поскольку оценка убедительности и обоснованности угрозы производится прежде всего с опорой на экстралингвистические факторы.

Если сравнить формулировки ФЗ-211 с положениями ст. 119 УК РФ, то станет ясно, что Закон более широко смотрит на акт угрозы. Как можно заметить, в отношении угрозы как акта экстремисткой деятельности снят фактор субъекта, значимый для констатации угрозы по правилам ст. 119 УК РФ. Не конкретизируется, насколько убедительной должна быть эта угроза, должны ли у адресата возникнуть обоснованные опасения того, что угроза будет осуществлена. То есть субъект угрозы не обязательно должен быть в более выгодной позиции (быть вооруженным или физически более сильным). По большому счету не обязательна даже осведомленность объекта угрозы о самом факте высказывания угрозы. Актом экстремисткой деятельности, по-видимому, может быть признан случай, когда человек не самой «убедительной» наружности выкрикивает с Кузнецкого моста в сторону Кремля *«Я всех вас убью!»*.

Отсутствие требований к степени убедительности угрозы нивелирует и фактор высказывания: угрозой может быть признано неутвердительное высказывание, содержащее маркеры субъективности, экспликаторы модельной рамки предположения, глагол в форме сослагательного наклонения, вопрос. Реальный адресат угрозы (члены избирательной комиссии) могут не услышать или не понять угрожающего высказывания, которое выкрикивается ми-

тингующими, тем не менее на правовую квалификацию экстремисткой угрозы это также не повлияет.

В отношении экстремисткой угрозы трансформирован фактор вреда. Вместо формулировки «убийство или нанесение тяжкого вреда здоровью» законодательством закреплена формулировка «насилие». Различия данных формулировок заключаются не только в степени конкретности, то и в типе обозначаемого действия. Действие, обозначенное сложным термином «убийство или нанесение тяжкого вреда здоровью», может быть совершено в отношении человека или группы лиц, являющихся адресатом угрозы (или связанному с адресатом угрозы). При этом действие, обозначенное термином «насилие», отсылает к гораздо более открытому фрейму. Если руководствоваться основным нормативным значением слова *насилие* (применение физической силы [МАС]), то следует признать, что в качестве *объекта* действия могут выступать не только люди, но и животные, артефакты (здания, сооружения), абстрактные феномены типа «государство», «противник»; *способом совершения действия* могут быть любые формы реализации физической силы (вооруженное вторжение на территорию объекта, физическое перемещение объекта против его воли, физическое блокирование объекта, нанесение вреда объекту, нарушение целостности объекта и уничтожение объекта); при этом *результат действия* не специфицирован, и в этом состоит ключевое отличие фрейма ‘насилие’ от фреймов ‘убийство’ или ‘нанесение тяжкого вреда здоровью’, где результат специфицирован и маркирует фрейм в целом (см. таблицу 1).

Таблица 1

Сопоставление фреймов ‘убийство’, ‘нанесение тяжкого вреда здоровью’ и ‘насилие’

Слот Фрейм	Субъект	Действие	Объект	Результат
‘убийство’	<i>не специфицирован</i>	физическое уничтожение	человек, группа лиц	убийство
‘нанесение тяжкого вреда здоровью’	<i>не специфицирован</i>	нарушение физической целостности	человек, группа лиц	нанесение тяжкого вреда здоровью
‘насилие’	<i>не специфицирован</i>	использование физической силы	<i>не специфицирован</i>	<i>не специфицирован</i>

Как видно из сопоставительной таблицы 5–2, фрейм ‘насилие’ является гораздо более емким по количеству вариантов реализации. В этой связи квалификация ‘вербальная угроза насилием’ может быть применена к большему количеству событий, по сравнению с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. По проанализированным параметрам

«экстремистская» угроза близка преступлениям, предусмотренным статьями 163 УК РФ («Вымогательство») и ст. 296 УК РФ («Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования»).

Заключение. В ходе исследования установлены признаки, характеризующие событие криминальной угрозы.

Объективную сторону уголовно наказуемой угрозы образует высказывание, отвечающее четырем признакам в их совокупности: (1) в высказывании сообщается о специальном действии; (2) действие совершается говорящим или субъектом, связанным с говорящим; (3) объектом действия является адресат или связанное с ним лицо; (4) действие совершается в будущем.

Полученные результаты могут быть использованы в практике производства судебных лингвистических экспертиз.

Список литературы

1. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : дис. ... докт. филол. н. / Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2010. – 363 с.
2. Вежбицка А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 68 – 81.
3. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методологические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: РФЦСЭ, 2011. – 326 с.
4. Осадчий М. А. Правовой самоконтроль оратора [Текст] / М. А. Осадчий. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 316 с.
5. Осадчий М. А. Речевая угроза применения насилия как проявление экстремизма // Юридический консультант. – 2008. – № 3. – С. 20 – 23.
6. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170 – 195.
7. Фомичева М. А. Угроза как способ совершения преступления (основания криминализации, виды и характеристика). – Владимир, 2007. – 176 с.
8. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 148-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 15 закона “О противодействии экстремистской деятельности”».
9. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. N 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму».

Рецензенты:

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой французского языка ФГБОУ ВПО «Кузбасская государственная педагогическая академия» Минобрнауки РФ, г. Новокузнецк.

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и славяно-русского языкознания ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» Минобрнауки РФ, г. Кемерово.

